

The Belarusian Frontier of the 1920s: Did Belarusization Take Place in the Russian-Belarusian Border Area?

Evgenii V. Kodin

Smolensk State University. Smolensk, Russia. Email: EVKodin[at]yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5072-3034>

Received: 21 April 2024 | Revised: 15 June 2024 | Accepted: 30 June 2024

Abstract

The paper analyzes the historical circumstances of the 1920s, under which in three regions of the Russian-Belarusian borderland – Pskov, Smolensk and Bryansk governorates – it was necessary to reach the objectives of ‘Belarusization’: the size of the Belarusian population, the state of the school network in the NEP era and staffing for the solution of the “Belarusian question.” Belarusization is regarded as an integral part of the new Soviet national policy based on the resolutions of the 10th and 12th Congresses of the RCP.

The purpose of the study is to identify and characterize the basic conditions for carrying out Belarusization in Russian regions with compact residence of the Belarusian population. First, this concerns the size of the Belarusian population in these governorates at the beginning and during the process of Belarusization, and detection of the dynamics and reasons for its significant reduction, starting from the end of the 19th century. Secondly, special attention must be paid to the problems in the school education system during the NEP era (financial, material, personnel), the solution of which was of much higher priority for local authorities in comparison with the objectives of Belarusization.

The results of the study show that the policy of Belarusization in the Russian border regions failed to receive the due support either from local authorities overloaded with many other urgent tasks, or from the residents of the above mentioned governorates, including Belarusians. The practice of “self-Russification” became a kind of hidden form of protest among the Belarusian part of the population of the Russian border regions.

Conclusions: The policy of Belarusization in the Russian-Belarusian border regions was not carried out in full even in the “minor format” proposed by Moscow, largely due to its artificiality and implementation without taking into account the opinions of the majority of Russian Belarusians themselves. The study is intended for specialists in national and regional politics, and in Russian and Belarusian history.

Keywords

Soviet National Policy; Indigenization; Belarusization; Russian-Belarusian Borderland; Pskov, Smolensk, Bryansk Governorates

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Белорусский фронтир 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье?

Кодин Евгений Владимирович

Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия. Email: [EVKodin\[at\]yandex.ru](mailto:EVKodin[at]yandex.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5072-3034>

Рукопись получена: 21 апреля 2024 | Пересмотрена: 15 июня 2024 | Принята: 30 июня 2024

Аннотация

В исследовании анализируются исторические обстоятельства 1920-х годов, в которых предстояло претворять в жизнь задачи белорусизации в трех регионах российско-белорусского приграничья – Псковской, Смоленской и Брянской губерниях: численность белорусского населения, состояние школьной сети в эпоху нэпа и кадровое обеспечение для решения «белорусского вопроса». Белорусизация рассматривается как составляющая часть новой советской национальной политики на основе решений X и XII съездов РКП(б).

Цель исследования – выявление и характеристика базовых условий для проведения белорусизации в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. Во-первых, это касается численности белорусского населения в указанных губерниях к началу и в процессе белорусизации, с выявлением динамики и причин ее значительного сокращения, начиная с конца XIX века. Во-вторых, требуют своего рассмотрения проблемы в системе школьного образования в эпоху нэпа (финансовые, материальные, кадровые), решение которых являлось гораздо более приоритетными для местных властей в сравнении с задачами белорусизации.

Результаты исследования показывают, что политика белорусизации в приграничных российских регионах не получила должной поддержки ни у местных властей, перегруженных массой других неотложных задач, ни у самих жителей названных губерний, включая белорусов. Своего рода скрытой протестной формой у белорусской части населения приграничных российских регионов стала практика их «саморусификации».

Выводы: политика белорусизации в регионах российско-белорусского приграничья не состоялась в полной мере даже в предложенном Москвой «малом формате» в значительной степени по причине ее искусственности и проведения без учета мнения большей части самих российских белорусов. Исследование предназначается для специалистов по национальной и региональной политике, российско-белорусской истории.

Ключевые слова

советская национальная политика; коренизация; белорусизация; российско-белорусское приграничье; Псковская, Смоленская, Брянская губернии

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В марте 1921 г. решениями X съезда РКП(б) будет ознаменовано начало реализации новой советской национальной политики. Суть ее нашла полное отражение в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Все население РСФСР составляло в то время 140 млн. человек. Из них невеликороссов было почти половина – 65 млн. (украинцы, белорусы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары и др. народы). Перед партийными организациями ставилась задача:

«Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке...» (Десятый съезд РКП(б), 1963, с. 603-604).

На XII партийном съезде весной 1923 г. речь уже будет идти о необходимости перевода всей сферы жизнедеятельности регионов на национальные устои. Эта политика получит название – «коренизация». В республиках и регионах название это конкретизировалось под титульные нации: «украинизация», «белорусизация», «узбекизация», «татаризация», «якутизация» и т.д.

Непосредственно для Белоруссии республиканская Центральная национальная комиссия ЦИК БССР сформулирует в рамках новой политики три основных направления:

«1) развитие белорусской культуры (школы, ВУЗ-ы на белорусском языке, белорусская литература, издание белорусских книг, научно-исследовательская работа по всестороннему изучению Белоруссии и т.д.); 2) выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу; 3) перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппаратов и частей Красной Армии на белорусский язык» (Практическое разрешение национального вопроса, 1927, с. 9).

Однако проведение белорусизации предполагалось не только в границах Белоруссии, но и в регионах РСФСР с компактным проживанием белорусов. К таким российским регионам в первую очередь относились приграничные губернии: Псковская, Смоленская и Брянская. Здесь, в отличие от Белоруссии, круг задач был не таким масштабным. В российско-белорусском приграничье на первое место выдвигался вопрос изучения в школах белорусского языка и белорусоведения с последующим переводом преподавания учебных предметов в отдельных школах на белорусском языке.

Практика же показала, что ни местные власти, ни население, включая самих белорусов, не только не приветствовали политику белорусизации, но зачастую и отвергали ее, не видя в ней какой-либо необходимости. В итоге

белорусизация, проводившаяся в приграничных российских регионах даже в значительно урезанном формате, осуществлялась под постоянным контролем и административным давлением со стороны Москвы.

Историография

В настоящее время проблематика белорусизации в российских регионах в отечественной историографии только начинает разрабатываться.

Общее направление исследований по политике белорусизации, объясняющее ее необходимость с позиций противопоставления практике полонизации в отошедших Польше в 1921 г. по Рижскому мирному договору западных белорусских землях и расширения территориальных границ за счет РСФСР, в значительной степени определяется в работах доцента МГУ им. М.В. Ломоносова Ю. А. Борисенка (2008, 2013а, б, 2022), научного сотрудника ИРИ РАН К. С. Дроздова (2022), научного сотрудника Института славяноведения РАН Д. А. Коротковой (2018).

На Смоленщине данной тематикой активно занимаются Е. В. Кодин и О. В. Кобец (Кобец, 2021; Кодин & Кобец, 2019а, б; 2021). Авторы особо выделяют интенсивный процесс саморусификации смоленских белорусов, начиная с конца XIX в., который привел к такому значительному численному их падению, что это давало основания местным властям утверждать об отсутствии в уездах и волостях белорусов, а, следовательно, и ненужности этой политики. Неразрешимой, в оценке авторов, оказалась и кадровая проблема: в губернии не нашлось и не появилось вплоть до конца 1920-х годов школьных учителей, знающих белорусский язык, что реально не позволяло осуществлять перевод школ на белорусский язык и даже просто преподавать его как учебный предмет.

В Псковской области вопросы белорусизации достаточно объемно представлены в работе А. В. Филимонова (2016). Автор подчеркивает, что к решению вопросов белорусизации губерния начала подступать только в середине 1920-х годов, когда в 1925 г. еще только была поставлена задача выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке, но и появившиеся в 1928 г. так называемые «белорусские школы» работали на русском языке.

Органично дополняют исследование А.В. Филимонова работы псковских географов А. Г. Манакова (2013) и В. С. Дементьева (2015), подчеркивающие активность процессов ассимиляции белорусов даже в местах компактного их проживания в границах Псковской губернии.

Вопросы белорусизации к настоящему времени не стали предметом специальных исследований в Брянской области, они лишь затронуты при описании национального состава губернии в 1920-е годы в коллективной монографии «История Брянского края. XX век» (История Брянского края, 2003).

При этом, в оценке авторов, у брянских властей было гораздо больше оснований к проведению в губернии «точечной» украинизации, нежели белорусизации, поскольку здесь имелось значительное количество украинского населения. Хотя в губернии имели место схожие с другими приграничными регионами миграционные процессы: белорусы и украинцы все больше предпочитали называть себя русскими.

Источники и методы

Настоящее исследование построено в основном на анализе тематических фондов центральных (ГАРФ, РГАСПИ) и региональных архивов (Государственные архивы Смоленской и Брянской областей, Центры документации новейшей истории этих же регионов). Документы фонда 17 РГАСПИ (Центральный комитет КПСС, опись 60 – Отдел агитации и пропаганды) и фондов Р-1235 ГАРФ (ВЦИК РСФСР) и А-296 (Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР) показывают регламентацию процессов белорусизации на уровне центральных государственных органов, представляя белорусизацию как составную часть общей новой советской национальной политики в 1920-е годы.

На местах работой по проведению в жизнь положений этой политики руководили региональные партийные и советские органы. Проработанные фонды региональных архивов в первую очередь показывают механизм партийного контроля над проведением политики белорусизации в постоянном формате отчетов ответственных советских органов власти, как на губернском, так и на уездном уровнях. Материалы архивов свидетельствуют больше о декларативной, нежели о практической работе с национальными меньшинствами в приграничных с Белоруссией российских регионах: в основном речь идет о постановке задач, а не об их воплощении в жизнь. Документы подтверждают, что местными властями белорусы, а также и украинцы, рассматривались не как национальные меньшинства, а как особая часть русского населения в губерниях, поэтому работа с ними не являлась приоритетной.

Важнейшим документальным источником для исследования являются стенографические отчеты X и XII съездов РКП(б) с базовыми решениями по новой советской национальной политике. Значительной информативной составляющей являются и региональные печатные издания – органы местной партийной и советской власти («Брянский рабочий», «Рабочий путь», «Псковский набат»), на страницах которых находили отражение (или наоборот) процессы, связанные с белорусизацией.

Для достижения поставленных задач исследования преимущественно использовался метод сравнительного анализа и статистический, а также описательный и историко-типологический методы.

Основное содержание

В поисках ответа на вопрос, почему население приграничных российских регионов и местные власти не только не поддержали, но даже и в разных формах противились белорусизации, следует проанализировать некоторые базовые сюжеты: динамику падения численности белорусов, начиная с конца XIX века, включая причины и содержательную часть этого процесса; материальные, финансовые и кадровые проблемы школьного строительства в эпоху нэпа, на которую как раз и выпала реализация задач по белорусизации.

«У нас нет белорусов»

Таким был постоянный ответ / комментарий представителей местных властей разных уровней, когда в начале и даже в середине 1920-х годов в российских регионах чиновникам приходилось объяснять отсутствие тех или иных практических шагов по продвижению политики белорусизации. Даже на X съезде РКП(б) один из делегатов написал в президиум записку, в которой говорилось об «искусственности насаждения белорусской нации». Это вынужден был прокомментировать И. В. Сталин, как основной докладчик по данному вопросу. Признавая то, что белорусские массы «пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом относятся к вопросу развития их национальной культуры», нарком по делам национальностей выражал уверенность, что

«через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, – естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности, и поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность» (Десятый съезд РКП(б), 1963, с. 213).

Позиция Сталина была, конечно, важным аргументом и ориентиром по белорусской тематике, но, наверное, только для партийных и государственных органов. Население же в российских приграничных регионах в абсолютном своем большинстве разделяло позицию автора записки, озвученной на съезде партии.

При этом к сюжетам об искусственности нации добавлялось и утверждение об отсутствии белорусского языка как такового и наличии в губерниях лишь своеобразного белорусского говора, как разновидности русского языка. «Белорусов в ... уездах нет, а живет везде русское население со своим характерным деревенским оттенком в разговорной речи»: так, по утверждению профессора А. В. Филимонова, в основном оценивали положение дел в 1920-е годы власти Псковской губернии (2016, с. 53). Такого рода заключение в полной мере относится и к Смоленщине, и к Брянщине.

По московским установкам в границах РСФСР белорусизация должна была охватить регионы с компактным проживанием белорусского населения.

Тезис «компактности», его территориальной и численной наполняемости никогда и никем не пояснялся. Замалчивался и вопрос о том, а как быть русскому населению и представителям других национальностей в такого рода местах компактного проживания белорусов, и вопрос перевода учреждений образования и просвещения в этих местах на белорусский язык.

В связи с этим вначале следует понять, для какого количества белорусов в приграничных российских регионах в принципе предлагалось претворять в жизнь планы по белорусизации. На Псковщине, Смоленщине и Брянщине все было достаточно однотипно, но все же не одинаково, особенно с учетом административно-территориальных реорганизаций.

Исторически наиболее тесно с Белоруссией были связаны смоленские земли, в том числе и в начальный период советской власти. Именно Смоленск стал в апреле 1918 г. административным центром Западной области, созданной тогда всего из трех губерний – Витебской, Могилевской и Минской. Именно в Смоленске 1 января 1919 г. была провозглашена Советская социалистическая республика Белоруссия, и сформировано первое белорусское правительство.

Сам вопрос численности белорусов в приграничных российских регионах только на первый взгляд может показаться легким в своем решении посредством соотнесения цифр из вполне доступных переписей населения 1897, 1920 и 1926 годов. В действительности же все обстоит гораздо сложнее, поскольку вопросы национальности/народности и родного языка довольно часто сильно разнились. Свои нюансы добавляет и своеобразие имевших место этнографических исследований.

Поскольку на начало политики белорусизации больше всего белорусов проживало в границах Смоленской губернии, вполне справедливым будет показать это кратко на примере данного региона.

Первое систематическое исследование белорусской проблематики находим в работе Я. А. Соловьева 1855 г. «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» (Сельскохозяйственная статистика, 1855, 2011). Автор не ставит перед собой задачу этнографической детализации населения, он просто делит всю губернию на две части: северо-восточные уезды зачисляет в великорусский этнос, а все остальные территории закрепляет за белорусами. Других народностей в регионе как бы и не было вовсе. В итоге получаются такие цифры: великорусского этноса в губернии 532 тыс. человек, белорусов – немногим более 551 тыс. (Сельскохозяйственная статистика, 2011, с. 100). В процентном отношении выходило соответственно 49% и 51%. Принять эти цифры как достоверно отражающие реальное положение дел, конечно, нельзя, считает исследователь из Смоленска О. В. Кобец. Автор работы по сельскохозяйственной статистике поступил здесь крайне «технически», считает она, разбивая все население губернии лишь на две большие этнические группы: великорусов и белорусов. И заключает:

«В причисленных Соловьевым к непосредственно белорусским семи уездах губернии проживало, конечно, немало этнических белорусов. Однако преобладало в них всегда великорусское население. При этом преобладало существенно. Поэтому указанная численность белорусов в 551 тысячу никак не может соответствовать действительности» (2021, с. 203).

Ко времени проведения первой всероссийской переписи 1897 г. население Смоленской губернии увеличилось почти на полмиллиона и составляло чуть более 1 млн. 551 тыс. человек (Население империи, 1897, с. 28). Численность же белорусов резко снизилась и составила около 101 тыс. человек, или 6,6% от всего населения губернии. Основное объяснение данному явлению, конечно, кроется в самом механизме определения национальности, когда в переписи ставился вопрос не об этнической принадлежности жителей, а об их родном языке. И здесь, как видим, белорусы, даже оставаясь в своей этнической принадлежности, по языку становились русскими.

Ситуация вновь запуталась исследованием выдающегося белорусского ученого Е. Ф. Карского, подготовившего на основе данных проведенной им в 1903 г. масштабной экспедиции по десяткам уездов Российской империи «Этнографическую карту белорусского племени» и трехтомник «Белоруссы» (Карский, 1903), быстро заслуживший признание в научном сообществе. Филологические достоинства работы Е. Ф. Карского несомненны, однако в части количественного исчисления белорусов подход ученого вызывает сомнения. Для него главным критерием определения белорусских территорий было «звучание» в уездах и волостях белорусской речи. На этом основании ученый заключает: «Принимая условно, что все говорящие на белорусском наречии белоруссы, мы будем считать указанные границы в то же время пределами белорусского племени» (1903, с. 21). В итоге, по причине такого «условного принятия», численность белорусов на Смоленщине вновь значительно «возросла» и составила, по Карскому, почти 948 тыс. человек (1903, с. 187–188). Так же как и в ранее названной работе Я. А. Соловьева, это около половины населения губернии.

Фактически же, и в то время в том числе, продолжался интенсивный процесс снижения численности белорусов, что со всей очевидностью показала перепись 1920 г. (в границах 1925 г. после имевших место территориальных изменений 1924 г.). В Смоленской губернии из двух с небольшим миллионов человек населения 96,56% составляли великороссы (2 млн. 12 тыс. чел.), а белорусов стало «всего» (в сравнении с данными переписи 1897 г.) 54 700 человек, что составляло лишь 2,62% населения губернии (Кодин & Кобец, 2021, с. 43).

Очевидно, что такое резкое падение численности белорусов связано в том числе и с механизмом проведения переписи: личный листок опрашиваемого (вопрос №4) имел два пункта: первый – «К какой национальности себя относит» и второй – «Родной язык».

«Надо полагать, – вполне аргументировано заключает О.В. Кобец, – что большинство белорусов в августе 1920 года, когда полным ходом шли военные действия под Варшавой, захотели вдруг стать великорусами. Ведь опросный лист давал, например, возможность записать себя в русский этнос, при этом одновременно оставив за собой родной белорусский язык. Отсюда такое «катастрофическое» снижение численности белорусов в губернии» (2021, с. 210).

С этим трудно не согласиться. Правда, следует заметить, что по языку количество белорусов сократилось еще больше, чем по народности.

Тенденция эта продолжится и в последующие годы. По данным демографической переписи населения 1926 г., белорусов в Смоленской губернии станет всего 20 408 человек из общей численности населения почти в 2 млн. 300 тыс. человек (0,89%) (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746. Л. 67). Конечно, на снижении численности белорусского населения на Смоленщине не могла не сказаться и передача в 1924 г. в состав Могилевской губернии смоленских Мстиславского и Горецкого уездов. При этом Ю. А. Борисенок предлагает посмотреть на начавшееся с 1923 г. неизбежное падение численности белорусского населения под несколько иным углом зрения: «Все решения о бело-русско-российском пограничье основывались не на этнографических или социально экономических соображениях, а на политической целесообразности» (2013, с. 125). Это было, несомненно, именно так. Но не менее важным, а скорее даже более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х годов, считает О. В. Кобец,

«стало стремление последних активнее включаться в начавшиеся индустриально – и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для их социального лифта. Особенно это касалось подрастающего поколения» (2021, с. 212-213).

Если исходить из того, что многие реальные процессы по белорусизации в приграничных российских регионах именно в это время только и начинались, то для населения численностью менее одного процента такую масштабную кампанию вряд ли было целесообразно разворачивать. Даже при условии, что основная часть белорусов достаточно компактно проживала в нескольких уездах Смоленской губернии: в территориальных границах нынешних Руднянского, Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского и Шумячского районов. Еще раз подчеркнем – при значительном преобладании в них великорусского населения.

В соседней Брянской губернии, еще только созданной в 1920 году, процент белорусов составлял в 1926 г. только 0,77% от общей численности населения региона. «Наиболее белорусскими» здесь были Новозыбковский и Клинецкий уезды, дававшие соответственно 2,87% и 1,83% населения уездов

(Население Брянской губернии, 1927, с. XIV). В сравнении с 1920 г. произошел более чем двойной рост числа белорусов в губернии (по переписи 1920 г. было 3646 человек, что давало 0,33% от почти 1 млн. 100 тыс. человек всего населения губернии (Брянская губерния в цифрах, 1924, с. 32). Данное обстоятельство объясняется состоявшейся передачей в 1927 г. из расформированной Гомельской губернии в Брянскую трех уездов со значительным количеством белорусского населения – Клинцовского, Новозыбковского и Стародубского. И это уже нашло свое отражение в указанном статистическом сборнике 1927 г.

Только после присоединения названных уездов белорусы появляются как национальное меньшинство в одном из годовых отчетов заведующего подотделом нацменработы А. Цельмса: 5 тыс. украинцев и 3 600 белорусов. Правда, здесь же следовала приписка – поскольку они, т.е. и украинцы, и белорусы, «разбросаны по всем уголкам губернии», то их «как будто незаметно». К тому же они «частью ассимилировались, частью разбросаны среди основной массы населения и среди них особой работы не ведется» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597. Л. 83).

А формулировка одного из отчетов о работе с национальными меньшинствами в Брянской губернии (январь 1927 г.) фактически подтверждает, что и белорусов, и украинцев, на уровне властей, а не только населения, продолжали воспринимать и считать частью русского социума: «Всего населения нацмен по губернии числится 17 666 человек, кроме украинцев и белорусов, вместе с которыми 26 000 человек» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1910. Л. 10). Именно по этой причине весной 1928 г. бюро Брянского губкома ВКП(б) отмечало, что даже партийный аппарат губернии никак не получалось «приспособить ... к работе среди таких нацменьшинств, как украинцев и белорусов» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646. Л. 257). Но в категорию национальных меньшинств они все же «попали».

Аналогичные события происходили и в Псковской губернии. По переписи 1897 г. в территориальных границах региона белорусская часть составляла 0,21% всей численности населения губернии (2 247 чел. от 1 млн. 123 тыс. всего населения) (Первая всеобщая перепись... Псковская губерния, 1904, с. V, 48). Перепись 1920 г. понижает это число до 1590 человек, что дает уже только 0,13% населения (Данные Всероссийской демографической переписи, 1923, с. 42). При этом почти половина этого количества приходилась на один Великолуцкий уезд (Филимонов, 2016, с. 46). Количество белорусов значительно возросло в результате присоединения к Псковской губернии в 1924 г. трех уездов упраздненной Витебской губернии (Себежского, Невельского и Велижского¹), доля белорусов в которых составляла 35% населения (Филимонов, 2016, с. 46). Однако, даже в такой ситуации, перепись 1926 г. показала всего 34 277 человек белорусов по народности, что составляло 1,92% численности всего

1 Велижский уезд в 1929 году войдет в состав Западной области, а после ее расформирования в 1937 году останется в составе Смоленской области

населения губернии, и еще меньше – 1258 человек или 0,07% – по языку (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 46). Хотя псковский исследователь А. В. Филимонов с отсылкой на Государственный архив новейшей истории Псковской области называет цифру по переписи 1926 г. в «почти 140 тыс. белорусов, что составляло 7,68% всего населения губернии (2016, с. 47) и давало основания утверждать в борьбе со скептиками, что «белорусы в губернии есть!» (2016, с. 48). Особенно в Великолукском округе, в состав которого и вошли бывшие белорусские уезды – Невельский, Себежский и Велижский, где процент белорусского населения поднялся до 33,6% (2016, с. 53). Именно благодаря этому обстоятельству, в оценке А.В. Филимонова, «белорусский» вопрос в округе сделался «еще более актуальным», и в итоге он «оказался в поле зрения окружных организаций» (2016, с. 53). До этого же времени ни о каких «практических мероприятиях» по белорусизации дело в губернии не доходило, поскольку «не были преодолены и настроения значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским населением по причине отсутствия такового» (2016, с. 47).

Следует заметить, что это был уже 1927 год. А на Псковщине еще только решали, были ли основания заниматься белорусизацией, и если таковые имелись, то что предстояло делать.

В целом же, как показывают официальные государственные переписи, численность белорусов в пределах Псковской, Смоленской и Брянской губерний значительно падает, составляя к началу 1920-х годов, когда в повестку дня и были поставлены вопросы белорусизации, незначительное количество, как по народности, так и особенно по языку, что давало весомые основания местным властям не воспринимать эту задачу как приоритетную в своей деятельности.

«Нам не до белорусизации»

Таковой была одинаковая позиция местных властей всех трех исследуемых нами российских регионов по инициированной Москвой политике белорусизации.

Вопросами практической реализации задач по белорусизации в территориальных границах РСФСР было поручено заниматься республиканскому народному комиссариату просвещения (Наркомпросу), коллегия которого уже весной 1922 г. приняла постановление о необходимости изучения в школах первой ступени белорусского языка, а в школах второй ступени – курса белорусоведения. По сути, приграничным российским губерниям предписывалось начать практику белорусизации школ в уездах с подходящим для этого количеством белорусского населения.

Однако за политически мотивированными и вполне объяснимыми установками Москвы на всемерную белорусизацию в противовес практике «полонизации» в западных белорусских землях после Рижского мира 1921 г.

не последовал реалистичный подход к оценке имевшей место ситуации в деле школьного образования в эпоху нэпа, особенно в начальный его период.

Для системы образования первые годы нэпа ознаменовались существенным сокращением школьной сети. Это стало результатом снятия школ с централизованного финансирования. Основная тяжесть затрат на образовательную систему перекладывалась на плечи местных властей, бюджеты которых не могли себе позволить полноценного содержания школ. В стране начинается процесс уменьшения числа школ, который вскоре, в оценке Е. А. Ялозиной, приобретает характер «судорожного панического сокращения», «когда учителя массово уходили из школ в поисках заработка и средств существования, на двери учебных заведений вешался замок, а их окна заколачивались» (2015, с. 219). Сокращение школьной сети в разных губерниях достигало 45-60% и более, а общие ее показатели опустились ниже уровня 1914 г. (2015, с. 219).

Это в полной мере относилось и к исследуемым нами регионам. Так, если на 1 января 1922 г. в Смоленской губернии было 2637 школ первой ступени с числом учащихся в 182 тыс. человек, школ более высокого уровня – 109 с численностью 11,3 тыс. учащихся, то на 1922/23 учебный год оставалось только 1691 школа первой ступени и 99 школ второй ступени и семилеток (Рабочий путь, 1922, 10 декабря).

В Псковской губернии в год начала нэпа имелась 1291 школа первой ступени с 79,5 тыс. учащихся и 32 школы второй ступени с контингентом в 4,5 тыс. человек (Народное образование, 1921, с. 6-7). В 1922/23 учебном году всего школ в губернии осталось 879, в которых обучалось немногим более 34 тыс. детей (Маркова, 2004, с. 97). При этом, как отмечает местный краевед М. Т. Маркова, в начальный период нэпа большинство школ губернии работали не в собственных, а в арендованных зданиях. Она приводит пример Себежского уезда, где из 121 школы 59 размещались в приспособленных помещениях (2004, с. 98). Не было редкостью и полное отсутствие школьной мебели. Характеризуя состояние школы и материальное положение учителей в 1923 г., заведующий Псковским губоно Э. М. Экштейн эмоционально замечал:

«В большинстве уездов школа пережила жуткий 1922/23 учебный год. Жалкое существование, начиная с полуголодного и оборванного школьного работника и полузамерзшей школы, и кончая почти полным отсутствием учебных пособий и учебников» (2004, с. 98).

Обращаясь к представителям губисполкома, он призывал: «Не заставляйте учителя голодать физически и духовно!» (2004, с. 98). Однако призыв чиновника не будет услышан: губерния не располагала должными финансами для улучшения положения.

В Брянской губернии, отмечают авторы коллективной работы «История Брянского края. XX век», перевод абсолютного большинства школ на местное финансирование привел к такому сокращению их числа, что даже в 1927 г.

губерния еще не вышла на уровень 1914 г. (1413 и 1588 школ соответственно) (История Брянского края, 2003, с. 198–199). Приводится аналогичный перечень схожих проблем: сильно пострадавшие за предшествующие годы школьные здания, острый недостаток учебников, письменных принадлежностей, оборудования, низкая заработная плата учителей, причем выдававшаяся «очень нерегулярно» (2003, с. 198–199).

В поисках необходимых средств для школ начинает практиковаться самообложение крестьян на нужды образования. При этом, замечает исследователь из Брянска А. В. Журавская, чаще всего крестьянство соглашалось содержать школу только в своей деревне, отказываясь пополнять общий волостной бюджет (2022, с. 51–52).

Не нашла своего широкого распространения и практика договорных школ. В основе этой государственной кампании лежал принцип заключения договоров между местными отделами народного образования и крестьянством о содержании школьных учреждений. В 1922 г. в 42 губерниях страны насчитывалось более 5 тысяч школ, содержавшихся по договорам с населением, что составляло около 30% всей школьной сети (Некрылова, 2021, с. 84). Большая же часть школ не финансировалась.

В такой ситуации, когда темпы сокращения школьной сети, увольнений учителей, сокращения контингента учащихся становились катастрофическими и ставили «под удар сам процесс обучения», отмечает Е. А. Ялозина (2015, с. 220), местным властям ничего не оставалось делать, как ввести платное школьное обучение, официально санкционированное в декабре 1922 г. десятым всероссийским съездом Советов.

На Смоленщине это было сделано еще весной 1922 г. в форме «целевого налога на нужды народного просвещения и здравоохранения», а в октябре 1923 г. Смоленский губисполком принимает постановление «О временной платности за обучение в учебных заведениях». Эта «временная мера» растянется в разных форматах фактически до конца 1920-х годов. При этом введение платы за обучение на первом этапе еще сильнее обострило проблему не охваченных школой детей.

Об этом образно говорил на XVI съезде Советов Смоленской губернии в декабре 1924 г. представитель губернского отдела народного образования: «Емкость нашей сети 53 проц., по просту говоря, из каждых 100 ребят школьного возраста 53 учатся, а 47 – собак гоняют, обреченные на безграмотность в будущем» (Кодин & Кобец, 2021, с. 60). Аналогичной картина была и на Брянщине: «В 23 году школы охватывали 31 процент детей всех возрастов; в 24–35 проц., в 25–40 проц.» (Журавская, 2022, с. 52).

Работавшие же школы были крайне переполнены. Обычная наполняемость классов в середине 1920-х годов составляла 40 учащихся. Но не редкостью было обучение в одном классе по 50–60 детей, иногда эта цифра доходила до 100–150 человек (Некрылова, 2021, с. 85). Говорить о качестве работы

школ в такой ситуации вряд ли было возможно. Многие учителя не выдерживали, и при крайне низкой заработной плате и общем ухудшении материального положения квалифицированные работники уходили в другие сферы деятельности. В эпоху нэпа, в оценке О. В. Золотарева, школы некоторых регионов страны по разным причинам покинуло до 60% учителей (Золотарева, 2009, с. 37).

В 1926 г. смоленским школам все еще давалась такого рода характеристика: «Потрепанные за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова база нашей школы» (Кодин & Кобец, 2021, с. 63).

Рубежным в части проявления должного внимания к школе на Смоленщине можно считать 1927 г., когда впервые с начала нэпа губисполком утвердил смету не только на ремонт, но и на строительство новых школ. Начинает снижаться, а по отдельным категориям школ и населения и полностью отменяется плата за обучение.

Такого рода положительные сдвиги в вопросах народного образования второй половины 1920-х гг. становились очевидными во всех трех исследуемых регионах. Общими усилиями государства, местных властей и населения, в первую очередь крестьянства, к концу нэповского десятилетия будет преодолен глубокий кризис в системе школьного образования, школа из состояния выживания вступит в этап своего развития. В предшествующие же годы всем: и властям разных уровней – от губернского до уездного и волостного, перед которыми стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития регионов, и поставленным на «подножный корм» учителям, и оплачивающим обучение детей и содержащим договорные школы местным крестьянам – было не до белорусизации. Во всяком случае, эти задачи были явно не из числа актуальных, а тем более приоритетных.

При этом на Брянщине, в отличие от двух других сельско-хозяйственных губерний, имелась хорошая своего рода защита от недоработок по белорусизации и украинизации – это мощный промышленный кластер.

Очевидным индикатором и показателем отношения властных структур к работе с национальными меньшинствами является ее отражение на страницах местной периодической печати. Газета «Брянский рабочий», как основной печатный орган Брянского губкома ВКП(б) и губисполкома, свидетельствует о том, что у региональных властей на первом месте на протяжении всех 1920-х годов стояли вопросы промышленного развития губернии и социально-экономические проблемы рабочего класса. Из года в год самыми постоянными и объемными по материалам оставались рубрики «Рабочая жизнь» и «По заводам и фабрикам». В одном только Бежицком уезде было впечатляющее количество крупных предприятий: паровозо-вагоностроительный завод «Профинтерн» – 14 тыс. рабочих, Людиновский паровозостроительный завод –

4,5 тыс. рабочих, Радицкий вагоностроительный завод им. Урицкого – 1500 рабочих, Песоченский чугунолитейный – 1300 рабочих, Сукремльский чугунолитейный – 1000 человек, всего – 22–23 тыс. рабочих. Кроме этого в уезде работали Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542. Л. 110). В этом промышленном районе обучалось почти 10 тыс. детей металлистов: около 6 тыс. в школах первой ступени и 4 тыс. – в школах повышенного типа (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542. Л. 110 об.). Именно на эти школы власти губернии и руководство предприятий обращали перво-степенное внимание. На этом фоне становится понятным фактически полное отсутствие каких-либо публикаций о нацменьшинствах в губернии, кроме как о принятых тематических резолюциях XII съезда РКП(б) и полного текста постановления ВЦИК РСФСР от 26 марта 1928 г. по отчету Брянского губкома ВКП(б) о работе с нацменьшинствами. С таким мощным промышленным щитом брянские власти явно не сильно переживали за вопросы белорусизации, которые, конечно, не могли оказаться в категории важных, а тем более приоритетных.

Создаем «белорусские» школы на русском языке

Некий общий всплеск интереса к вопросам белорусизации, и больше всего в отношении белорусского языка и национальных школ, в приграничных российских регионах проявился во второй половине 1920-х годов. Однако и в это время в большей степени все сводилось лишь к формальным процедурам обсуждения проблемы, а не практического ее решения.

В хронологическом отношении первым из приграничных российских регионов за решение «белорусского вопроса» взялась Смоленская губерния. Здесь уже в начале 1923 г. губернским отделом народного образования будет предписано уездным отделам «немедленно начать введение в школах первой ступени белорусского языка, а в школах второй ступени дополнительно и белоруссоведения» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 19). В апреле того же года уже назывались конкретные показатели: ввести в 1923/24 учебном году белорусоведение и белорусский язык в 150 или даже в 200 школах первой и второй ступени в уездах, где проживало белорусское население (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 20).

При этом Смоленщина «попала» даже в постановление политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 г., в котором предписывалось местным партийным организациям Витебской, Гомельской и Смоленской губерний немедленно приступить, «согласно постановлений XII съезда, к практическому осуществлению удовлетворения потребностей местного населения в постановке школьного дела на родных языках, в частности белорусском языке...» (Борисенко, 2016, с. 131). Как видим, смоленские власти своевременно и даже с некоторым опережением реагировали на инициированные Москвой процессы

по белорусизации. В своих решениях они показывали: да, вопрос обсуждается, меры принимаются. Но до практических действий в этом вопросе дело не доходило ни в 1923 г., ни в 1924 г. И только на 1925/26 учебный год в губернии было намечено к переводу на белорусский язык 20 школ в волостях Смоленского и Рославльского уездов с преобладающим числом белорусского населения (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093, Л. 19 об.). Хотя и этот процесс не форсировался, переходить на белорусский язык школам следовало опять «только с будущего года» и «постепенно» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3903, Л. 61). Официальная аргументация такой медлительности сводилась к одному тезису: «Для работы в белорусских школах нужны будут учителя, достаточно знакомые с белорусским языком» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 91). Уровень «достаточности», конечно, не определялся. Но преподавать белорусский язык, а тем более другие школьные предметы на белорусском языке было некому. Проводимые же курсы переподготовки учителей здесь мало помогали: научить языку за 2-3 недели было невозможно. А тем более для последующего преподавания на нем.

Яркий пример – августовские 1925 г. курсы для учителей-белорусов Гомельской и Смоленской губерний, состоявшиеся в Минске. В столицу Белоруссии прибыли 102 гомельских и 31 смоленский учитель. В программе курсов были белорусский язык, белорусская литература, история Белоруссии и другие занятия. Но был ли от них реальный результат, если в отчете о проведенной переподготовке, организованной только для учителей-белорусов, отмечалось, что слушатели «совершенно не были знакомы с белорусским литературным языком (не умели ни читать, ни писать)»? (Кодин & Кобец, 2021, с. 79). О таком кадровом положении в школах в самом начале 1926 г. с нескрываемой горечью писал корреспондент главного печатного органа Смоленской губернии – газеты «Рабочий путь»: «до настоящего времени население (белорусское. – Е.К.) обслуживается школами на русском языке и учителями, не знающими белорусского языка» (Рабочий путь, 1926а) (выделено нами. – Е.К.).

Тем не менее, осенью 1927 г. уже констатировалось наличие в губернии «сети белорусских школ 1 ступени» с таким ее описанием: если в 1926/27 году только в 18 школах первой ступени на белорусский язык были переведены первые группы учащихся, то на 1927/28 год уже 36 школ первой ступени «начали белоруссизироваться». А в школах повышенного типа был введен предмет белоруссоведение, «чтобы через 2-3 г. постепенно провести полную белоруссизацию их» (Кодин & Кобец, 2021, с. 90-91).

Число детей-белорусов школьного возраста (6-11 лет) на начало 1928 г. составляло в губернии немногим более 2 тыс. человек. Основная масса из них училась в обычных школах. Но губоно отчитывалось и о наличии отдельных «белорусских школ». Чаще всего в официальных справках фигурировала как белорусская Руднянская школа-девятилетка, хотя обследование ее осенью 1928 г. показало иное. Официально школа считается белорусской, читаем

в отчете, но «ни по составу учащихся, ни по языку преподавания (русский) таковой признана быть не может» (2021, с. 92). И очевидно, что у Любавичского волостного комитета ВКП(б) (нынешний Руднянский район Смоленской области. – Е.К.), рассматривавшего в то же время вопрос о работе национальных школ волости, были весомые основания, чтобы указать не только на «ряд недовольств среди населения с переходом школ на белорусский язык», но и на случаи «выступления учащихся против учителей» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748. Л. 280), которым приходилось преподавать язык и на языке, который они не знали.

При этом расходы на белорусизацию в конце 1920-х годов были значительными. Так, к примеру, на 1927/28 г. Смоленский губисполком предусмотрел в бюджете на эти цели 87,5 тыс. рублей. Основные статьи расходов закладывались на школы: на содержание имевшихся на начало учебного года 18 классов-комплектов белорусских школ первой ступени и еще на 18 новых комплектов, запланированных к открытию; на ремонт и хозяйственные нужды белорусских школ; на оплату преподавателей белорусоведения в трех школах и др. статьи (Кодин & Кобец, 2021, с. 95; ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745. Л. 54). При общем увеличении расходов губернии в 1927/28 учебном году на народное образование на 23,1%, ассигнования на просветительскую работу среди белорусского населения выросли более чем в два раза (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748. Л. 278 об.).

Не обходилось и без негативных оценок этих расходов, как «выброшенных на ветер» средств, причем не только среди инспекторов школ и обывателей. На таких же позициях стояли и представители власти. Смоленский горсовет, продолжая настаивать на том, что «белорусов в Смоленске нет и о них не нужно говорить», в 1928 г. своим решением вообще передал средства, изначально запланированные на культурно-просветительскую работу среди белорусского населения в городе, на жилищное строительство (Островский, 1931, с. 61). Для руководства губернского центра последнее, явно, было важнее.

Как видим, белорусизация была сложным и противоречивым процессом. В соседней Псковской губернии все было очень похоже, но с некоторой временной задержкой в сравнении со Смоленской губернией.

К своего рода активной фазе белорусизации регион приступил летом 1925 г., когда Псковский губисполком впервые обсудил вопрос «Об открытии школ для обучения белорусского населения». Губернскому отделу народного образования было поручено еще только «выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке» (Филимонов, 2016, с. 47). В 1926 г. продолжалось изучение «белорусского вопроса» на предмет «целесообразности специального выделения его среди других направлений национальной политики». До практических же мероприятий «дело пока что не дошло», поскольку не были преодолены настроения «значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским

населением по причине отсутствия такового» (2016, с. 47). Губернский комитет ВКП(б) базовым условием перевода школ и изб-читален на белорусский язык определял только желание самого населения, ставя главной задачей – «пробудить в самом белорусском населении интерес к своему родному языку, вызвать потребность его изучения» (2016, с. 48). В таких поисках решений прошло еще полгода. Губком партии вновь обсуждает вопрос о работе среди белорусского населения губернии. Органам народного образования в очередной раз следует поручение «выявить потребность населения в открытии школ и политпросветучреждений на белорусском языке, с тем, чтобы открытие учреждений можно было приурочить к началу 1927/28 учебного г.» (2016, с. 50). И даже на 1928/29 учебный год все еще только намечалось создать «сеть школ и изб-читален, в которых введение белорусского языка предусматривалось осуществить уже в 11 школах» (2016, с. 54). В итоге создали вначале 10 школ, а к концу 1928/29 г. их количество увеличилось до 25. «Но, – замечает А. В. Филимонов, – «белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности», поскольку преподавание всех предметов, за исключением белорусского языка, велось в них на языке русском (2016, с. 54).

Проведенные летом 1926 г. в губернии курсы переподготовки ожидаемых результатов не дали. По причине отсутствия средств на курсы вообще не приехали учителя Себежского и Велижского уездов. Завершили обучение 35 учителей одного Невельского уезда. В отчете звучало, что учителя «успешно усвоили правописание, читали по-белорусски». Отмечалось, что «цель достигнута полностью – учителя вполне могут заниматься в школе на белорусском языке...» (2016, с. 49). Однако по прошествии некоторого времени «победные» репортажи сменились грустной констатацией: в течение учебного года лишь 12 учителей, из прошедших курсы, принимали частичное участие в работе на белорусском языке. И эта работа заключалась в следующем: «ученикам по их желанию выдавались для чтения на дом книги и учебники, иногда чтение белорусской литературы устраивалось в школе, в отдельных случаях разучивались белорусские стихи и песни, изредка практиковались постановки» (2016, с. 52). Основным, как нам представляется, здесь является тезис – «по их желанию». Даже специальная комиссия губкома ВКП(б), проверявшая Невельский уезд весной 1927 г. на предмет работы с белорусами, констатировала живучесть твердых убеждений, что причислявшие себя к белорусам жители уезда по своему языку и обычаям мало отличались от русского населения, а значит, не было никакой необходимости в широкой работе «среди белорусов на белорусском языке» (2016, с. 50).

В Брянской губернии отношение к изучению белорусского языка и к белорусским школам было несколько сложнее, чем в Псковской и Смоленской, поскольку на юге губернии значительно активнее, чем в процессе белорусизации, проявлялись практики украинизации. Местным властям приходилось реагировать на два этих процесса одновременно, хотя белорусская тематика

на фоне украинской была менее проблематичной и в общих чертах схожей с процессами, имевшими место в соседних российских приграничных регионах.

Методы некоего административного «заигрывания» проблемы были схожими с практикой Псковской губернии. Так, даже после принятия ВЦИК в марте 1928 г. обязательного к исполнению постановления по отчету Брянского губисполкома о работе с нацменьшинствами, в котором ставилась задача «усилить обслуживание украинского-белорусского населения в приграничных районах, особенно в части удовлетворения культурных нужд национальных меньшинств», в том числе и в формате «перевода школ нацмен первой ступени на родной язык» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14), Брянский губОНО решил вначале обследовать два присоединенных недавно от Гомельской губернии уезда: Клинцовский и Стародубский. Экспедиция должна была изучить разговорный язык, быт, обычаи, обряды, жилища, способы передвижения и способы обработки земли, поскольку «только таким комплексом всех перечисленных признаков» возможно было «установить несомненную принадлежность изучаемой народности к той или иной национальной группе» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14). Лишь после такого детального обследования уездов губернский отдел народного образования планировал рассмотреть вопрос «о целесообразности перевода школ национальных меньшинств на родной язык» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14).

В созданной в 1929 г. в основном из Смоленской, Брянской и Великолукского округа Псковской губернии Западной области с административным центром в Смоленске отношение к вопросам белорусизации претерпит явные изменения. Общая цифра белорусского населения превышала 78 тыс. человек. В официальных справках говорилось о наличии 67 белорусских школ первой ступени и 4 школ повышенного типа. Но при этом все чаще звучал тезис о том, что открывать школы на белорусском языке следовало только там, «где население подготовлено к этому», а «насаждать белорусские школы без подготовки было бы весьма ошибочно и политически неверно» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746. Л. 279).

Заключение

Каким может быть ответ на изначально поставленный в исследовании вопрос: состоялась ли белорусизация в трех приграничных российских регионах в 1920-е годы? Однозначным он, явно, быть не может.

В части содержания и задач политики белорусизации для самой Белоруссии, о чем говорилось в самом начале текста, конечно, не состоялась. Но для российских регионов с компактным проживанием белорусов всего этого и не требовалось. Москва ставила более узкие задачи: преподавание в школах белорусского языка и курса белорусоведения для белорусской части

учащихся в отдельных губерниях и уездах; создание белорусских школ с преподаванием всех предметов на белорусском языке; организация работы культурно-просветительских учреждений на белорусском языке. Однако даже и в таком весьма урезанном формате белорусизация была реализована лишь частично. Принимались меры для обучения детей белорусскому языку, изучению белорусской истории и литературы. В основном формально, но создавались отдельные белорусские школы, в которых занятия при этом велись на русском языке. В избы-читальни поступали белорусские периодические издания. И другое.

Безусловно, проведение политики белорусизации в самой Белоруссии было вызвано необходимостью противопоставить новую советскую национальную политику практике сплошной полонизации в западных ее регионах, отошедших к Польше по Рижскому миру 1921 г. Белорусизация же для российских регионов, даже с компактным проживанием белорусов, как это имело место в приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерниях, была в значительной степени мерой искусственной.

На начало 1920-х годов процент белорусского населения стал здесь совсем незначительным (от 0,13% в Псковской, до 0,33% в Брянской и 2,62% в Смоленской губернии – по переписи 1920 г.). Белорусское население воспринималось местным населением и властями как русское и русскоязычное, хотя и с некоторыми нюансами в говорах. С позиций местных властей, в регионах не было оснований для отдельной политики белорусизации, как не требовалось этого для евреев, поляков, латышей и иных национальных меньшинств, которые создавали свои секции при партийных комитетах, культурно-национальные учреждения (школы, клубы, театры...) вне рамок какой-либо отдельной для них национальной политики. Белорусы же ничего такого вообще не делали и к этому не стремились. Все было настолько спокойно, отмечает А. В. Филимонов, что, к примеру, на уровне Псковского губкома ВКП(б) вообще «не помышлялось о создании аналогичной белорусской секции, как и ведении какой-либо работы среди белорусов, например открытии специальных белорусских школ или культпросветучреждений» (2016, с. 47). То же было и на Смоленщине, и в Брянской губернии.

Не способствовало созданию отдельных белорусских школ и трудное материальное и финансовое положение всей школьной системы образования в эпоху нэпа. Практика самообложения и договорных школ не предполагала финансирования отдельных белорусских школ. Местные бюджеты начали закладывать средства на ремонт и строительство школ, приобретение оборудования только со второй половины 1920-х годов, готовясь к введению всеобщего. Предусматривались средства и на белорусизацию. Но какой-либо поддержки даже со стороны самого белорусского населения это не получило.

Преподавание белорусского языка во всех трех регионах, а также создание якобы белорусских школ носило отчетливо выраженный формальный характер. Вызвано это было полным отсутствием учителей, владеющих белорусским языком. Данная кадровая проблема в исследуемых приграничных российских регионах не была решена на протяжении всех 1920-х годов.

В самом начале 1930-х годов «приговоренные к белорусизации» (Кобец, 2021) российские приграничные регионы легко от нее откажутся, образовательные и культурно-просветительные учреждения быстро перестроят свою деятельность под новые требования – необходимость повышения престижа русского языка.

По сути никакой необходимости и потребности в политике белорусизации в приграничных российских регионах не было. Но основную роль здесь сыграл фактор внешний – польский. В противовес варшавской полонизации в так называемых «восточных кресах» Москве нужно было показать не только всемерное развитие белорусской нации в границах БССР, но и поддержку белорусского населения в пределах РСФСР.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

Список литературы

- Борисенок, Ю. А. (2008). «Белорусизация» 1920-х годов. *Вопросы истории*, 6, 133–136.
- Борисенок, Ю. А. (2013а). *На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века*. ООО «Родина МЕДИА».
- Борисенок, Ю. А. (2013b). Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920 – 1930-е годы. *Новая и новейшая история*, 6, 55–65.
- Борисенок, Ю. А. (2022). Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг. *Славянский альманах*, 3-4, 463–478. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03>
- Брянская губерния в цифрах: Краткий статистический справочник по Брянской губ. (1924). Красная книга.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. (1928). Издание ЦСУ СССР.
- Государственный архив Брянской области (ГАБО). (б. д.-а). Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.

- Государственный архив Брянской области (ГАБО). (б. д.-б). Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1).
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-а). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-б). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3903.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-с). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-д). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-е). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.
- Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. Псковская губерния. Вып. 2. (Национальность, пол, грамотность). (1923).
- Дементьев, В. С. (2015). Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. *Псковский регионологический журнал*, 24, 88–105.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. (1963). Государственное издательство политической литературы.
- Журавская, А. В. (2022). Провинциально учительство. 1920–е гг. (На материалах Брянской и Смоленской губерний). *История. Общество. Политика*, 2, 49–54.
- Золотарев, О. В. (2009). Советское учительство в 1920–х годах. *Интеллигенция и мир*, 3, 28–40.
- История Брянского края. XX век.* (2003).
- Карский, Е. Ф. (1903). *Белоруссы: Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности.* Типография Варшавского учебного округа.
- Кобец, О. В. (2021). «Приговоренные к белорусизации»: Смоленские белорусы в 1920–е годы (к вопросу о численности). *Известия Смоленского государственного университета*, 1, 199–217. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217>
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2019a). Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. *Белорусская думка*, 8, 85–91.
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2019b). Смоленщина, 1921–1925 годы: Белорусизация сверху? *Известия Смоленского государственного университета*, 2, 164–177.
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2021). *Белорусизация на Смоленщине, 1920–е годы.* Издательство СмолГУ.
- Манаков, А. Г. (2013). Российско-белорусское порубежье: Историко-географическая детерминация. *Псковский регионологический журнал*, 16, 169–176.
- Маркова, М. Т. (2004). *Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг.* ПГПИ им. С.М. Кирова.
- Народное образование в Псковской губернии по предварительным итогам текущего обследования учреждений народного образования 1921 года (1 апреля).* (1921). Первая государственная типография.
- Население Брянской губернии по данным переписи 1926 года.* (1927). Брянский губернский статистический отдел.
- Население империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам.* (1897). Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

- Некрылова, О. Г. (2021). Опыт создания договорных школ в условиях строительства советской школьной системы 1920-х гг. *Проблемы социальных и гуманитарных наук*, 2, 82–86.
- Островский, З. (1931). Проблемы украинизации и белоруссизации в РСФСР. Власть Советам.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 2. (1904). Издание центрального статистического комитета министерства внутренних делъ.
- Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч I: Белоруссизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. (1927). Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР.
- Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. По Псковской губернии. (1927). Псковский губстатотд.
- Рабочий путь. (1922, декабрь 10).
- Рабочий путь. (1924, декабрь 18).
- Рабочий путь. (1926, январь 13).
- Рабочий путь. (1927, ноябрь 2).
- Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. (2011). Универсум.
- Филимонов, А. В. (2016). Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.). *Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сборник научных трудов*, 22, 45–55.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-а). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-б). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-с). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1910.
- Ялозина, Е. А. (2015). Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. *Манускрипт*, 12(3), 218–221.

References

- Agricultural Statistics of Smolensk Province*. (2011). Universum. (In Russian).
- All-Union Population Census December 17, 1926: Brief Summaries. Issue 4: Nationality and Native Language of the USSR Population*. (1928). USSR Central Statistical Administration. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2008). The 'Belarusianisation' of the 1920s. *Voprosy Istorii*, 6, 133–136. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2013a). *On the Sharp Turns of Belarusian History: Society and State Between Poland and Russia in the First Half of the 20th Century*. Rodina MEDIA LLC. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2013b). The Polish Factor in National Policy of the Soviet Power in Belarus in the 1920th – the 1930th years. *Modern and Contemporary History*, 6, 55–65. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2022). The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s. *Slavic Almanac*, 3–4, 463–478. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03> (In Russian).
- Bryansk Province in Figures: A Brief Statistical Handbook on Bryansk Province*. (1924). Red Book. (In Russian).

- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-a). F. 1, In 1, C. 1597. (In Russian).
- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-b). F. 1, In. 1, C. 1646. (In Russian).
- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-c). F. 1, In. 1, C. 1910. (In Russian).
- Data from the All-Russian Demographic Census August 28, 1920. Pskov Province. Issue 2. (Nationality, Gender, Literacy).* (1923). (In Russian).
- Dementyev, V. S. (2015). Settlement Patterns and Ethnic Composition of the Population of the Pskov Region in 1926-1939. *Pskov Journal of Regional Studies*, 24, 88-105. (In Russian).
- Filimonov, A. V. (2016). Belarusians in Pskov Region (1920s). *Scientific Notes of Vitebsk State University Named after P.M. Masherov: Collection of Scientific Works*, 22, 45-55. (In Russian).
- History of Bryansk Region. 20th Century.* (2003). (In Russian).
- Karsky, E. F. (1903). *Belarusians: Vol. 1: Introduction to the Study of Language and Folk Literature.* Warsaw Educational District Printing House. (In Russian).
- Kobets, O. V. (2021). «Sentenced to Belarusization»: Smolensk Belarusians in the 1920s (to the Question of Their Number). *Izvestia of Smolensk State University*, 1, 199-217. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217> (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2019a). Belarusization in the Russian-Belarusian Borderland: Smolensk Region, 1924-1929. *Belarusian Thought*, 8, 85-91. (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2019b). Smolensk Region, 1921-1925: Belarusization from Above? *Izvestia of Smolensk State University*, 2, 164-177. (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2021). *Belarusization in Smolensk Region, 1920s.* Smolensk State University Publishing House. (In Russian).
- Manakov, A. G. (2013). Russian-Belarusian Borderland: Historical-Geographical Determination. *Pskov Journal of Regional Studies*, 16, 169-176. (In Russian).
- Markova, M. T. (2004). *Essays on the History of Public Education in Pskov Province. 1900-1927.* Pskov State Pedagogical Institute named after S.M. Kirov. (In Russian).
- Nekrylova, O. G. (2021). The Experience of Creating Contract Schools During the Construction of the Soviet School System in the 1920s. *Problems of Social and Humanitarian Sciences*, 2, 82-86. (In Russian).
- Ostrovsky, Z. (1931). *Problems of Ukrainization and Belarusization in the RSFSR. Power to the Soviets.* (In Russian).
- Population of Bryansk Province According to the 1926 Census.* (1927). Bryansk Provincial Statistical Department. (In Russian).
- Population of the Empire According to the January 28, 1897 Census. By Districts.* (1897). Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- Practical Resolution of the National Question in the Belarusian Socialist Soviet Republic. Part I: Belarusization. Based on Materials from the Central National Commission of the CEC of the BSSR.* (1927). Central National Commission of the CEC of the BSSR. (In Russian).

- Preliminary Results of the All-Union Population Census of 1926 for Pskov Province.* (1927). Pskov Provincial Statistical Department. (In Russian).
- Public Education in Pskov Province According to Preliminary Results of the 1921 Survey of Public Education Institutions (April 1).* (1921). First State Printing House. (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1922, December 10). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1924, December 18). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1926, January 13). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1927, November 2). (In Russian).
- State Archive of Bryansk Region (SABR). (n.d.-a). F. 84, In. 1, C. 542. (In Russian).
- State Archive of Bryansk Region (SABR). (n.d.-b). F. 84, In. 1, C. 1126 (Part 1). (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-a). F. R-19, In. 1, C. 3093. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-b). F. R-19, In. 1, C. 3903. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-c). F. R-19, In. 1, C. 4745. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-d). F. R-19, In. 1, C. 4746. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-e). F. R-19, In. 1, C. 4748. (In Russian).
- Tenth Congress of the RCP(b). March 1921. Stenographic Report.* (1963). State Publishing House of Political Literature. (In Russian).
- The First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897. XXXIV. Pskov Province. Notebook 2.* (1904). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- Yalozina, E. A. (2015). Payment for Education in Soviet Schools in the 1920s. *Manuscript*, 12(3), 218–221. (In Russian).
- Zhuravskaya, A. V. (2022). Provincial Teaching. 1920s. (Based on Materials from Bryansk and Smolensk Provinces). *History. Society. Politics*, 2, 49–54. (In Russian).
- Zolotaryov, O. V. (2009). Soviet Teaching in the 1920s. *Intelligentsia and the World*, 3, 28–40. (In Russian).